

Старая владычица пила целебный отвар. Её тонкие, обычно поджатые и язвительные губы немного расслабились, а выражение лица смягчилось:

— Только у тебя хватает сыновнего почтения приходить и справляться о моём здоровье.

— В имении кое-что произошло, и я подумал, что вы не сможете уснуть.

Старая владычица хохотнула с холодным презрением:

— В доме стряслась такая беда, а эта дрянь, моя дочь, всё ещё не изволила вернуться из борделя.

Чжао Люэр не смел вымолвить ни слова. Хотя в глубине души он и сам презирал свою госпожу-супругу, Старая владычица имела право бранить родную дочь, а вот ему поддакивать категорически воспрещалось.

Старая владычица вздохнула:

— На рассвете всё выплывет наружу, слухи не утаить, и репутация Девятки будет загублена. Как досадно... А ведь я хотела подобрать ему хорошую партию.

В поместье столько слуг — рот каждому не закроешь. Если в будущем он выйдет замуж в знатный и богатый дом, кто-нибудь обязательно докопается до этой истории.

Ей было досадно, но досадно лишь оттого, что столь выдающийся ребёнок не сможет выгодно послужить инструментом для брачного союза.

Услышав это, Чжао Люэр слегка опустил голову, про себя восхищаясь точностью расчётов Ли Сяньфу. Тот изучил характер Старой владычицы до малейших тонкостей и с точностью угадал даже её слова. Сделав легкий вдох, Чжао Люэр произнес:

— Возможно, всё сложилось к лучшему.

Старая владычица нахмурилась. С годами она стала проницательной и хищной, а потому не стала сразу осыпать его бранью, лишь бросила:

— Поясни.

— Почему бы нам самим не раздуть эту историю? Объявим во всеуслышание, что кто-то, жажда хотя бы краем глаза взглянуть на юношу, пошёл на отчаянный шаг и попытался прорыть подкоп. А до него другие перелезали через стены и даже продавали себя в рабство, только бы попасть в поместье.

Чжао Люэр размеренно продолжал:

— В следующем месяце молодым господам как раз должны выделить отдельные покои. Попросите правителя передать ему сразу семь садов. Пусть юноша сам решает перед сном, в каком из них заночевать. А затем пустите слух, будто это сделано исключительно ради того, чтобы уберечь его от посягательств дерзких поклонников.

— ...После такой подачи происшедшее обернётся безупречной славой.

После этих слов в комнате надолго воцарилась тишина.

Сердце Чжао Люэра ушло в пятки. Но посреди этого мучительного ожидания вдруг раздались хлопки.

Морщинистая кожа Старой владычицы собралась в складки от улыбки. Она похлопала в ладоши и похвалила:

— Превосходно! Замечательный замысел!

Снаружи стоял шум и гвалт, а Ли Сяньфу спокойно сидел в комнате и составлял букет:

— Красиво?

Система оценила его работу:

«Сдержанно и изысканно, перепады уровней невелики, однако нераскрывшийся бутон в центре излучает скрытое гордое превосходство».

Прошло около получаса, и Система снова подала голос:

«Хозяин уверен, что у Чжао Люэра всё получится?»

Ли Сяньфу:

— Он человек умный и один из немногих, к кому Старая владычица прислушивается. Если он сделает всё строго по моей инструкции, всё пройдет идеально.

Отложив ножницы, он посмотрел на необычайно яркую луну за окном и со смешком произнес:

— Семья Хань хотела, чтобы я уступил один сад? Что ж, я заберу сразу семь и буду каждую ночь спать в новом месте. Что до доброго имени — раз уж они создали условия, я сполна этим воспользуюсь.

Пройдёт еще пара часов, и в будущем те, кто захочет взглянуть на его лик, выстроятся в очередь от восточных ворот города до самых западных.

Ли Сяньфу делал вазу. Когда глина немного подсохла, он начал вырезать надпись на донышке.

Едва увидав первый символ, Старик Ли нахмурился:

— Чем тебе китайские иероглифы не угодили? Обязательно было эту иноземную тарабарщину выцарапывать?

— Это Санскрит, — ответил Ли Сяньфу.

Ли Шаша утешил:

— Учиться никогда не поздно. Дедушка, не комплексуйте.

— ...

Основная работа была завершена. Ли Сяньфу попросил Цинь Цзиня нанести глазурь, а сам

пошёл вымыть руки в тазу с чистой водой. Вскоре подошёл мастер по керамике, чтобы забрать изделие на обжиг. Он не удержался от похвалы:

— Вырезка просто на высшем уровне!

Можно было не сомневаться: после обжига получится настоящий шедевр.

Ли Шаша долго смотрел на вазу, а потом повернул голову к старшему:

— Нельзя бросать дело на полпути. Дедушка, продолжайте.

Старик Ли глубоко вздохнул и с трудом удержал улыбку, косясь в сторону Ли Сичуня:

— Ты не только меня донимай, дай пару ценных советов и остальным.

Ли Шаша на это лишь качнул головой:

— Никто не любит, когда над ухом бубнят.

Обычно лишь старшее поколение проявляет повышенное терпение к младшим.

— ...

В этот миг Старик Ли всем сердцем ощутил: по сравнению с Ли Шаша, который рот не закрывает и постоянно всех учит жить, прежний Ли Сянфу, устраивавший неприятности исключительно благодаря собственным талантам, был настоящим ангелочком.

Под непрерывные поднукания Старик Ли был вынужден вернуться на место. Тем временем готовое изделие можно было забрать только завтра, поэтому Ли Сянфу, вытерев капли воды с рук, сказал:

— Я пойду.

Старик Ли отчаянно замигал, умоляя взять Ли Шаша с собой.

Однако Ли Сянфу сделал вид, что ничего не замечает, и перед уходом лишь погладил Ли Шаша по голове:

— Будь умницей и слушайся дедушку.

Пусть Система выговорится здесь вволю — зато сам он обеспечит себе долгожданную тишину и покой на долгое время вперед.

Ли Шаша послушно кивнул.

Подойдя к дверям, Ли Сянфу остановился и искренне сказал организатору:

— Семейное мероприятие прошло на высшем уровне, вы отлично спланировали программу.

Посетители обычно лишь придирались по пустякам, так что внезапный комплимент даже немного озадачил сотрудника.

Снаружи, вдали от запаха влажной глины, воздух казался необычайно свежим, будто очищающим изнутри.

Днём на улице былолюдно. Прежде чем спуститься по лестнице, Ли Сяньфу осмотрелся и выбрал для прогулки довольно уединённую тропинку.

Цинь Цзинь шёл справа от него. Косого взгляда хватало, чтобы рассмотреть каждое выражение его лица.

Шестое чувство у Ли Сяньфу было развито отлично — он прекрасно знал, что на него смотрят, даже не поворачивая головы. Чуть приподняв уголки губ в мимолётной усмешке, он спросил:

— У меня что-то на лице?

Услышав прямой вопрос, Цинь Цзинь ничуть не смутился и спросил о другом:

— Что означает надпись на Санскрите внизу вазы?

— Да просто имя, пришедшее в голову под настроение — Цзиньган, — пояснил Ли Сяньфу. — Надеюсь, у неё будет нерушимое тело, как у Цзиньгана.

Логика Ли Сяньфу всегда отличалась своеобразием, так что Цинь Цзинь несколько не удивился.

— Когда выжгут, я подарю её тебе, — Ли Сяньфу приподнял бровь. — Символ здоровья и долголетия.

Цинь Цзинь спокойно поблагодарил:

— Я буду беречь её.

Пока они разговаривали, Ли Сяньфу неожиданно остановился и попросил его поднять руку, уставившись в одну точку:

— Грязь.

Цинь Цзинь тоже заметил пятно и небрежно подвернул рукав в несколько оборотов, надёжно спрятав грязное место.

— Лучше вернуться и переодеться, — посоветовал Ли Сяньфу.

Цинь Цзинь качнул головой:

— Я уходил в спешке, сменной одежды не брал.

Ли Сяньфу страдал легкой формой перфекционизма и находил такой свернутый рукав не самым эстетичным. Немного подумав, он предложил:

— Если не брезгуешь, у меня есть запасная рубашка.

Цинь Цзинь отказываться не стал.

Договорившись, Ли Сяньфу сменил маршрут и направился к арендованному коттеджу. По дороге его мозг по привычке принялся анализировать ситуацию, и он быстро уловил нестыковку. Практически весь процесс изготовления вазы выполнял он сам. Зная осмотрительность Цинь Цзиня, тот не мог испачкать рукав при банальном нанесении глазури.

Попробовав мысленно воссоздать возможные позы, он пришёл к выводу: если только Цинь

Цзиня кто-то случайно не толкнул, пятно ни за что не оказалось бы в этом месте.

Вернувшись в коттедж, Ли Сяньфу подал ему белую рубашку и ушёл ждать в гостиную. Воспользовавшись паузой, он отправил Ли Шаша сообщение с напоминанием не только болтать без умолку, но и пить побольше воды, чтобы на следующий день не болело горло.

За спиной раздались шаги. Не поднимая головы, Ли Сяньфу спросил:

— Как раз?

— Вполне.

Услышав ответ, Ли Сяньфу поднял взгляд и при виде стоящего перед ним мужчины на мгновение замер. Плечи Цинь Цзинь были шире, чем у него. Когда тот позировал в качестве натурщика, визуальный контраст ощущался не так остро. Но теперь Цинь Цзинь был облачён в рубашку на размер меньше, отчего рельеф его мышц проступал сквозь ткань чересчур отчетливо.

Из-за тесноты верхняя пуговица на груди была расстёгнута для большего удобства.

Принимая во внимание вероятность того, что Цинь Цзинь намеренно испачкал рукав, Ли Сяньфу с невозмутимым лицом пришёл к логическому выводу:

«Всё понятно. Он меня соблазняет».

Цинь Цзинь отличался редкой проницательностью и буквально прочитал на лице Ли Сяньфу предупреждение: «Вокруг сухо и жарко, берегись огня».

«...» Если он не ошибался, под «огнём» имелся в виду он сам.

Атмосфера мгновенно стала двусмысленной. Ли Сяньфу вспомнился случай на репетиции шоу, когда Цинь Цзинь неловко задел подол его платья, испачкал голову краской и под этим предлогом заставил Ли Сяньфу поработать бесплатным парикмахером.

Не давая Ли Сяньфу уйти с головой в эти размышления, Цинь Цзинь ни с того ни с сего упомянул испортившее всё настроение имя... Цинь Цзяюй, возвращаясь к теме, которую они не успели договориться в мастерской:

— Откуда планируешь начать зацепку?

Взвесив приоритеты, Ли Сяньфу на время отложил свои подозрения и начал подробное изложение плана «Белый лунный свет».

Всякий раз, когда в планах Ли Сяньфу мелькала цель заработать денег, Цинь Цзинь знал: просто не будет. Так случилось и на этот раз. По сравнению с этим новым стартапом скромный массажный бизнес казался полной ерундой.